На правах рукописи

УДК 316.6

Хасханова Милана Тахировна

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНСКИХ СТУДЕНТОВ

специальность 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

на соискание ученой степени

кандидата психологических наук

Санкт-Петербург

2020

Работа выполнена на кафедре психологии психолого-педагогического факультета государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Осетинский государственный педагогический институт»

Научный руководитель: кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Осетинский государственный педагогический институт» **Верещагина Марина Владимировна**

Официальные оппоненты:
доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» **Почебут Людмила Георгиевна**

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии человека федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» **Румянцева Полина Викторовна**

Ведущая организация:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Защита диссертации состоится «10» ноября 2020 г. в _____часов на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.199.37, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена по адресу: 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48, корп.11, ауд. 37.
С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу: https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000000619.html

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Хороших Валерия Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Решение вопросов становления религиозной идентичности личности, которая затрагивает все без исключения аспекты жизни человека и развития общества, выступает актуальным социально-психологическим направлением в теории и практике современного научного исследования.

Проблема религиозной идентичности и религиозности личности рассматривалась Дж. Мид, С. Московичи, Г. Олпортом, Д. Тейлором, Г. Тэджфелом, Э. Фроммом, Э. Эриксоном и другими исследователями. В последние десятилетия проблема религиозной идентичности и религиозного сознания активно обсуждается в отечественной науке философами и психологами: З.А. Жаде, В.И. Жог, С.И.Иваненко, С.А. Ляушевой, В.М. Миназовой, М.П. Мчедловым, О.С. Павловой, В.Г. Пивоваровым, И.Э. Соколовской, Д.М. Угринович, Е.А. Ходжаевой, О.Е.Хухлаевым, С.А. Черняевой, Е.А. Шумиловой, И.Н. Яблоковым и др.

Несмотря на существующие исследования, в современных условиях развития Чеченской Республики требует рассмотрения проблема религиозной идентичности студентов как членов этнокультурной чеченской группы, включенных в религиозное сообщество, с позиции социально-психологического подхода, отражающего феноменологию и закономерности человеческого поведения.

Актуальность настоящего исследования религиозной идентичности чеченских студентов также обусловлена рядом факторов. Во-первых, возрастающим масштабом психологических и психосоциальных проблем личности, связанных с религиозной идентичностью и недостаточной разработанностью методологических основ ее изучения. Во-вторых, результатами исследований бурно развивающихся процессов религиозной идентификации и слабой изученностью вопросов о влиянии религии на особенности этнической идентичности представителей традиционной культуры. В-третьих, социальным запросом российского общества на изучение отечественной культуры и поведения современных студентов молодежи, сопровождающегося подъемом религиозного сознания молодежи, обострением религиозных чувств и недостаточным объемом исследований в этой области.

Цель исследования – изучить особенности религиозной идентичности у чеченских студентов.

Объект исследования: студенты-представители чеченского этноса.

Предмет исследования: особенности религиозной идентичности чеченских студентов.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что чеченские студенты характеризуются внутренней религиозностью наряду с утратой этнокультурной идентичности.

Дополнительные гипотезы.

1. При повышении религиозной идентичности чеченских студентов утрачивается этнокультурная идентичность.

2. Религиозность чеченских студентов выполняет адаптивную функцию и представляет собой личностный ресурс в ситуации совладания с трудными жизненными ситуациями.

3. Религиозная идентичность чеченских студентов типологизируется на внешнюю, внутреннюю и отражает различные связи с этнической идентичностью.

4. Существуют половые и возрастные различия в содержании и степени выраженности религиозной идентичности чеченских студентов.

Исходя из цели, предмета и гипотезы исследования были определены следующие теоретические и эмпирические **задачи.**

1. Изучить теоретико-методологические подходы к пониманию феномена религиозной идентичности.

2. Раскрыть содержание религиозной идентичности, ее виды и функции.

3. Определить факторы, влияющие на формирование религиозной идентичности личности.

4. Обозначить теоретико-методологические основы в изучении религиозной идентичности личности, определив методологические принципы ее исследования.

5. Описать особенности ситуации развития религиозного сознания представителей чеченского этноса.

6. Выявить особенности, типы и виды религиозной идентичности представителей чеченской этнической группы и чеченских студентов.

7. Установить характер связи между этнической и религиозной идентичностью чеченских студентов.

8. Определить половые и возрастные различия религиозной идентичности чеченских студентов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: методологические принципы изучения личности как члена социокультурной общности А.Г. Асмолова, Г.М. Андреевой, Дж. Брунера, А.А. Бодалева, П. Бергера, Л.С. Выготского, А.А. Деркач, В.П. Зинченко, В.В. Знакова, Дж. Келли, Т.и М. Лукман, Дж. Мида, Т.Н. Петраковой, Ж.Ж. Пиаже, А. Щуц, Л.В. Тарабакиной и др.; концепции социокультурной детерминации Р.Бенедикт, А.Кардинер, М.Мид, М.Спиро, М.Херсковиц Дж.Хонигман, Ф.Хсю; принципы детерминизма, субъектности и деятельностной обусловленности психических явлений А.В.Брушлинского, Б.Д. Парыгина, С.Л. Рубинштейна и др.; принцип соотношения индивидуального и общественного Б.Ф. Ломова, К.А. Абульхановой-Славской; функциональный подход к изучению религии и ее психологической роли для личности и общества Д.Е. Мануйловой, Д.В. Ольшанского, Э. Фромма, Т. Роджерса, П.Джонсона и др.; социально-психологический подход к религии Т.А. Бажан, А.И. Клибанова, Д.М. Угринович; теорию о социально-психологическом дихотомическом делении общностей Б.Ф. Поршнева; теории идентичности Д. Жоделе, Г.Зиммеля, Д. Кэмпбелла, М. Лацаруса, Н.М.Лебедевой, А. Маслоу, А.В. Микляевой, А.В. Мудрика, Л. Г. Почебут, П.В. Румянцевой, Дж. Тернера, Г.Тэджфела, З. Фрейда, Э.Фромма, Э.Эриксона, М. Шерифа, Л.Б. Шнейдера, Г. Штейнталя и др.; теория социальной идентичности и категоризации Г. Тэджфела; теория идентификационной матрицы социальной идентичности личности С. Московичи; теория конструирования идентичности личности Дж. Марсиа; теории религиозной идентичности К. Гергена, Т.П. Емельяновой, П.Н. Шихирева и др.; социально-психологические концепции этнической идентичности и детерминант этнического поведения Е.П.Белинской, М.В.Верещагиной, О.И.Дреева, Л.М. Дробижевой, Н.М. Лебедевой, С.В.Лурье, Т.Г.Стефаненко, В.Ю.Хотинец, Ю.П.Платонова, Л.Г.Почебут и др.; результаты исследований современных аспектов религиозности и религиозной веры Ф.Е. Василюк, Р.М.Грановской, А.И. Демьянова, З.А. Жаде, С.И. Иваненко, С.А.Ляушевой, В.С.Мухиной, М.П.Мчедлова, Г.Олпорта, В.Г. Пивоварова, И.Э. Соколовской, Д.М. Угринович, С.А.Черняевой, Е.А.Ходжаевой, Е.А. Шумиловой и

др.; а также работы Г.М. Андреевой, П.Гуревич, А.В.Кузьмина, А.В. Лукьянова, Д.Орлова, Л.М. Путиловой и др., которые отмечают, что в условиях взаимопроникновения различных культур складывается ситуация, характеризуемая как кризис идентичности личности.

Методы исследования:

- теоретические: анализ философской, социально-психологической, социологической, психолого-педагогической, культурологической, религиозной литературы по теме исследования, сравнение, синтез теоретического и эмпирического материалов, обобщение;

- эмпирические: тестирование, опрос. В качестве психодиагностических методик использовались следующие:

1) анкета И.Э. Соколовской «Мое отношение к религии» в авторской модификации к верующим-мусульманам;

2) шкала религиозной ориентации Г. Олпорта и Д. Росса;

3) опросник Ю.В. Щербатых «Структура индивидуальной религиозности»;

4) опросник Г.С. Никифорова «Стратегии и модели преодолевающего поведения»;

5) тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона;

6) блок анкеты Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко, разработанный для изучения валентности и определенности этнической идентичности и готовности к межэтническому взаимодействию;

7) методика Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой «Типы этнической идентичности»;

- методы математической статистики с использованием стандартных пакетов обработки данных Microsoft Excel XP и SPSS for Windows v.13.0. Анализ эмпирических данных осуществлялся с помощью следующих методов: критерий хи-квадрат на нормальность распределения; частотный анализ; при сравнении значений независимых выборок — Т-критерий и критерий хи-квадрат; расчет связей между переменными проводился с использованием метода корреляций по Ч. Спирмену; факторный анализ применялся для определения внутренней структуры системы исследуемых переменных; качественные методы – контент-анализ и аналитическое сравнение.

Достоверность и надежность полученных результатов исследования и сделанных на их основе выводов обеспечены обоснованностью исходных методологических и теоретических позиций, получившим развитие и обоснование в работах по социальной, кросс-культурной и религиозной психологии; использованием апробированных, надежных и взаимодополняющих социально-психологических методов исследования, соответствующих его задачам и логике изложения материала; репрезентативностью объема выборки; корректной организацией экспериментальной работы с опорой на важнейшие принципы проведения эмпирического исследования, длительным ее характером и возможностью повторения; использованием методов математической статистики при обработке полученных экспериментальных данных; доказательностью и логической непротиворечивостью выводов, полученных в результате исследования.

Научная новизна состоит в том, что выявлены социально-психологические особенности религиозной идентичности чеченских студентов. Раскрыто содержание их внутренней и внешней религиозной ориентации и определены виды религиозной идентичности, исходя из указанных типов. Впервые исследовано соотношение

религиозной и этнической идентичности чеченских студентов в зависимости от типа религиозной ориентации. Показаны половые и возрастные различия в содержании религиозной идентичности чеченских студентов. Выявлено, что религиозная идентичность чеченских студентов не связана со стрессоустойчивостью личности, но отражает связи со стратегиями преодолевающего поведения.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты его углубляют представления о религиозной идентичности в структуре социальной идентичности личности. Сделан определенный вклад в структурирование психологического категориального аппарата, на который мы опирались в работе, что позволило раскрыть особенности и содержание религиозной идентичности студентов-представителей чеченской этнической группы, ее типологию и виды. Полученные материалы по религиозной идентичности могут быть полезны для систематизации и обобщения данных, уже имеющихся по данной проблеме исследования. В научный оборот введены термины, которые обозначают выявленные виды религиозной мусульманской идентичности личности.

Практическая значимость исследования отражена в том, что обоснован комплект психодиагностических методов, направленных на выявление содержания и особенностей религиозной идентичности мусульман. Представленные результаты исследования могут быть использованы при подготовке лекционных и семинарских занятий и модулей по социальной психологии, психологии религии, психологии личности, психологии современной молодежи. Результаты исследования также могут быть использованы при подготовке и повышении квалификации педагогов и психологов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Религиозная исламская идентичность – вид социальной идентичности личности, проявляющийся в установке на принадлежность к исламу, что интегрирует индивида с мусульманской общностью. Представления о вере у чеченских студентов связаны с верой в Аллаха, которая обусловлена потребностью в защите и поддержке высшими силами, переживанием чувств благоговения, покоя и умиротворенности. Основные цели, достигаемые посредством веры, связаны с надеждой на прощение грехов и вечную жизнь, спасение души и понимание смысла жизни. Респондентами отмечено, что вера задает и объясняет нормы поведения, учит ответственности, помогает преодолевать трудности, обеспечивает поддержку в трудных ситуациях, не позволяя чувствовать себя одиноким, связана с честностью и порядочностью.

2. Структура индивидуальной религиозности чеченских студентов представлена: религиозным самосознанием, позволяющим осознавать себя членом единой религиозной общности, скрепленной общими ценностями и целями, и самоопределиться в общественной системе с установленными в ней религиозными ценностями и убеждениями, нормами поведения и образом жизни; религиозной идентичностью, основанной на вере в творца и признании существования высшей силы, создавшей мир; религиозной идентичностью, опирающейся на философскую концепцию, согласно которой религия наполняет жизнь особым значением и смыслом; религиозностью, связанной с поиском в религии поддержки и утешения через религиозную и коммуникативную практики общения с Аллахом, пророками и верующими между собой; внешними признаками религиозности, позволяющими реализовать культурную функцию религии; религиозностью как совокупностью определенных ценностных установок и образцов морально-нравственных норм

поведения, которые вырабатываются в исламской традиции и представляют собой своеобразную программу поведения людей.

3. Чеченские студенты до 22 лет в отличие от респондентов в возрасте от 23 до 28 лет характеризуются экстринсивной (внешней) религиозной ориентацией, связанной со стремлением к проявлению внешнего благочестия, когда религия как ценность играет второстепенную роль и служит инструментом для достижения других значимых ценностей, в том числе и реализации потребностей в защищенности и поддержке при соблюдении заветов предков. Содержание религиозности у чеченских студентов обусловлено верой в высшую силу и признанием существования высшей силы, создавшей мир, а также моральными нормами и правилами поведения, выраженной позитивной этнической идентичностью и оптимизмом относительно межэтнического взаимодействия в будущем.

4. Чеченским студентам свойственны как внутренний, так и внешний типы религиозной идентичности. Внешняя религиозная идентичность характеризуется направленностью на взаимодействие с людьми, единомышленниками, что сопровождается значимостью этнической идентичности при снижении положительного образа своего народа, стремлением к соблюдению заветов и традиций предков. Внутренняя религиозная идентичность связана с верой в творца и философской концепцией религии, что отражается на формировании религиозного самосознания студентов с четкими морально-нравственными ценностями. Внутренняя религиозная ориентация связана с более широким спектром понимания возможностей веры, которые заключаются не только в оказании помощи по преодолению трудностей и обозначении ориентиров в отношении того, как надо жить, но и, в отличие от внешней религиозной ориентации, обучает ответственности за собственные поступки, объясняя те аспекты, которые не может объяснить наука, включая то, почему человек страдает, не позволяет чувствовать себя одиноким и направляет на путь «честности и порядочности». Внутренняя религиозная идентичность гармонично сочетается с позитивной этнической идентичностью, ее определенностью и устойчивостью, сопровождается чувством защищенности и поддержки высшими силами, а также надеждой на вечную жизнь.

5. Виды религиозной идентичности определяются исходя из основных ее типов – внешней и внутренней – истинная мусульманская идентичность, формальная религиозная идентичность, просоциальная религиозная идентичность, неадаптивная религиозная идентичность, неорелигиозная ориентация.

6. Религиозность чеченских студентов выступает ресурсом личности в процессе совладания с трудными жизненными ситуациями, но для студентов с внешней религиозной ориентацией не обладает адаптивной функцией. Так, внешняя религиозная идентичность связана с активной моделью действий, направленных на поиск эмоциональной, материальной или информационной помощи, предоставляемая другими людьми, с которыми сообща решаются возникающие проблемы при прямом, открытом поведении, сопровождающимся уверенным отстаиванием своих прав, не ущемляющим при этом прав других, но низкой стрессоустойчивостью, не обеспечивающей гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации. Внутренняя религиозная идентичность связана с просоциальной моделью поведения, также заключающейся в поиске эмоциональной, материальной или информационной помощи от других, стремлении к совместному принятию решений с другими членами социальной группы, в которую они включены, без навязывания собственных взглядов и не противореча

общественным нормам и принципам, при высокой степени адаптации к воздействию экстремальных факторов как внешней, так и внутренней среды.

Апробация и внедрение результатов исследования. Теоретические и эмпирические результаты исследования обсуждены и одобрены на научно-практических конференциях: международной научно-практической конференции «Психология и педагогика XXI века. Современные проблемы и перспективы» (г.Волгоград, 2017), международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в информационном обществе» (г. Омск, 2017), Всероссийской научно-практической конференции «Личность и культура в глобализирующемся мире» (г.Грозный, 2017), VII международной научно-практической конференции «Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике» (г. Москва, 2018), международной научно-практической конференции «Вопросы образования и науки» (г. Тамбов, 2018), научно-практической конференции «Современные технологии в образовании» (Владикавказ, 2019), всероссийской научно-практической конференции «Социализация молодежи в условиях современных перемен в мировом сообществе» (г. Махачкала, 2019); на заседаниях и методических семинарах кафедры психологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Осетинский государственный педагогический институт» (г. Владикавказ) и заседаниях кафедры психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чеченский государственный педагогический университет» (г. Грозный).

По теме диссертационного исследования опубликовано 11 печатных работ.

Объем и структура диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, выводов, заключения, библиографического списка, включающего 212 источников, в том числе 28 на иностранном языке, и приложений. Объем основного текста работы составляет 197 страниц. Материал диссертации иллюстрирован 15 таблицами и 11 рисунками.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется степень научной разработанности проблемы исследования, определяется объект, предмет, цель и задачи исследования, приводятся научные положения, выносимые на защиту, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описывается структура и объем работы.

Первая глава «Теоретико-методологический анализ проблемы исследования религиозной идентичности как социально-психологического феномена» посвящена анализу основных категорий изучаемой проблемы, используемых в работе, истории их развития в теоретико-методологическом аспекте.

В параграфе 1.1. «Теоретические аспекты исследования идентичности личности» представлены теоретические подходы к изучению идентичности в зарубежной и отечественной науке: общепсихологический, социологический, психолого-педагогический, социально-психологический.

В рамках социально-психологического подхода, на который мы опирались в исследовании, представлены социопсихологические трактовки идентичности.

Отметим, что в работах Г.Л. Бардиер, С.П. Безносова, Дж. Берри, С. Бочнера, Р. Винча, Л. С. Выготского, Н.В. Гришиной, О. Ю. Гусевой, У. Джемса, Ч.Х. Кули, К. Леви-Стросса, Дж. Марсиа, А. Маслоу, С. Московичи, Б. Д. Парыгина, Ю.П. Платонова, Л. Г. Почебут, У. Самнер, А.Л. Свенцицкого, Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, Д. Тейлора, Дж. Тернера, Г. Триандис, Г. Тэджфела, А. Фернхейма, Э. Фромма, В.Ю. Хотинец, Г. Хофстеда, Э. Эриксона, В. А. Ядова и других исследователей термин «идентичность» имеет более широкое значение, чем в психоаналитической и связан с процессами имитации, подражания и эмоционального слияния с социальной общностью.

Особое внимание в работе уделено пониманию механизма идентификации личности Г. Тэджфела, рассматривающего его через процесс социальной категоризации, связанного с упорядочиванием и классификацией социального окружения таким способом, какой имеет смысл для индивида, и социального сравнения как процесса преобразования когнитивных признаков в установки и действия, которые обеспечивают межгрупповую дифференциацию и фаворитизм, что и приводит к формированию социальной идентичности.

Французским психологом С. Московичи в рамках теории социальных представлений, рассматриваемых автором в качестве ведущей и единственной характеристики общественного и индивидуального сознания, выступающих основой взаимодействия людей, была предложена гипотеза об организации сознания индивида по типу идентификационной матрицы, основу которой составляют общечеловеческая, половая, религиозная, этническая, профессиональная и другие идентичности. Распределением информации в идентификационной матрице социальной идентичности руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей, которые и определяют картину мира личности, ее убеждения и ценности, организуя ее поведение и деятельность.

В отечественной социально-психологической науке в начале 90-х годов XX века появился целый ряд публикаций и практико-ориентированных исследований по проблемам идентификации россиян в реформируемом обществе. Так, исследователями Л. Г. Иониным, В. А. Ядовым, И. С. Коном, А.И.Ковалевой, Л.М. Дробижевой, Т.Г. Стефаненко, Н.М.Лебедевой, Н.Л. Ивановой, А.Н. Татарко и др. показано, что идентичность личности проявляется в потребности индивида в идентификации с социальной группой в процессе социализации под влиянием культуры, что приводит к осознанию своей принадлежности к определенной социальной общности, и предстает как динамическое структурное образование.

В параграфе 1.2 «Содержание религиозной идентичности» представлен анализ понятий «религиозность» и «религиозная идентичность» в контексте социально-психологических концепций. Показано, что религиозность как чувство уходит своими корнями в бессознательное, в связи с чем его трудно исследовать объективными методами. При этом, религиозность и признание себя верующим в некоторой мере связаны с проблемой выбора, затрагивающего либо глубинные, либо поверхностные слои психики, что, безусловно, по-разному отражается на личности.

Особенности религиозной идентичности в структуре социальной идентичности личности, как показывают исследования, проведенные Н.В. Дмитриевой, С.Б. Перевозкиным, Ю.М. Перевозкиной, Н.А.Самойлик, И.Э. Соколовской и др., обусловлены особым характером взаимодействия внутренних психологических детерминант, представленных личностными характеристиками эмоциональной сферы, самоотношения, психосемантической структурой сознания, и внешних

условий, отражающих социальное положение в системе отношений, статус, занимаемый в группе и особенности межличностных взаимодействий.

Религиозная идентичность рассматривается как категория «религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе. При этом О.Ю. Бреская акцентирует внимание на двойственной природе понятия религиозности – как индивидуального и группового свойства.

Представлен анализ современных подходов к изучению религиозной идентичности. Социально-психологический подход, рассматривающий ее не как некую самостоятельную психологическую данность, а в контексте социокультурных процессов, подчеркивает невозможность разграничений людей по признаку религиозности, когда наличие или отсутствие веры в бога рассматривается как решающий критерий человеческих качеств личности. Исходя из этого, в центре внимания социально-психологического подхода к исследованию религиозной идентичности выступает процесс, посредством которого индивиды конструируют и выстраивают свои взаимосвязи с определенными людьми или группами людей. Исследования в рамках данного подхода опираются на следующие социально-психологические теории: социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера [207], социальных представлений С. Московичи [204], конструирования идентичности Э. Гидденса, психосоциальной идентичности Э. Эриксона [193], концепцию идентичности Ч.Кули и Дж. Мида [203], где идентичность личности рассматривается как динамическое явление, которое подразумевает соотнесение человека себя с определенной социальной группой на различных уровнях: индивида, социума и культуры [151].

В отечественной психологии религиозная идентичность понимается как форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании своей принадлежности к определенной религии, которая формирует представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм. Также религиозная идентичность рассматривается в качестве вида социальной идентичности, направленного на обеспечение человеку целостности и тождественности, определяющего установку на принадлежность к определенной конфессии.

Под религиозной идентичностью мы будем понимать вид социальной идентичности как сложного интегрального социально-психологического образования, обеспечивающего индивиду целостность и тождественность, отражающийся в самосознании и проявляющийся в установке на принадлежность к определенной конфессии, что определяет миропонимание и выполняет функцию социальной регуляции в ситуации межличностного и межгруппового взаимодействия. Религиозность же рассматривается нами как индивидуальное или групповое свойство, которое проявляется в вере в сверхъестественные силы и активности в социальной и коммуникативных практиках как в религиозных, так и нерелигиозных сферах.

В русле социально-психологического подхода разрабатывается проблема классификации религиозной идентичности с учетом контекста социокультурных процессов. По мнению Г. Олпорта, необходимо учитывать степень и глубину религиозности личности, а также интенсивность ее веры. Опираясь на данные идеи, исследователь выделил два основных типа религиозных людей: внешне религиозных и внутренне религиозных.

Мы рассмотрели различные классификации религиозной идентичности и определили их основания. Религиозная идентичность классифицируется: по конфессиональной принадлежности (православная, мусульманская (исламская), конфессиональная, этнорелигиозная и культурная); по осознанной избираемости (наследуемая и присвоенная); по глубине религиозной идентичности и интенсивности веры (внутренняя и внешняя); по социально-культурной и психологической организации (базовая или институциональная и специфически личностная); по особенностям поведения и установления межличностных и межгрупповых отношений (позитивная и негативная).

Проблему развития религиозной идентичности, а также ее функций в психологической науке рассматривали О.М. Артеменко, П.Л. Бенсон, С. Вирасами, П. Гмюндер, Д. МакАдамс, Дж. Мартос, Ф. Озер, Л. Пик, Р. Рор, Ю.К. Рулкепартэн, С. Томкинс, Дж. Фаулер, Т. Хедвиг, Д. Хелминьяк, С. Эпштейн, Д. Элкинд, Э. Эриксон и др.

Процесс формирования религиозной идентичности характеризуется сложным взаимодействием объективных и субъективных факторов, особенностями социализации личности и ситуаций, которые оказывают влияние на данную совокупность факторов, изначально определяющих выбор-отвержение религии. Согласно И.Э. Соколовской, результатом взаимодействия интра- и интердетерминант, в свою очередь, становится появление метасоциально-психологической детерминанты «собственно религиозной идентичности», разрешающей противоречие амбивалентности самоорганизации личности и организации религиозного сообщества.

Методологию исследования религиозной идентичности разрабатывали К. Герген, С. Московичи, Г.М. Андреева, П.Н. Шихирев, Т.П. Емельянова, Д.Е. Мануйлова, Д.В. Ольшанский, Э. Фромм, Р.М. Грановская, А.И. Демьянов, М.П. Мчедлов, В.Г. Пивоваров, Д.М. Угринович, Г. Олпорт, А.И. Клибанов, И.В. Соколовская, Е.С. Кутковая и др. Так, В.А. Шорохова проводит аналитический обзор методов по изучению религиозной идентичности, разработанных зарубежными исследователями. И.Э. Соколовская при изучении религиозной идентичности предлагает учитывать общенаучные принципы проведения исследования (комплексности, системности, развития и единства) в сочетании со специфическими принципами изучения религиозной идентичности: личностного опосредования социально-психологических особенностей верующего социальной ситуации жизнедеятельности, включая кризисные ситуации; абвивалентности или нахождение медиации на континууме понятий, определяющих изучаемое явление; доминирования религиозной организации и включенных в нее членов над личностью.

Отметим, что при изучении религиозной идентичности необходимо принимать во внимание, помимо особенностей непосредственного окружения человека, роль субъекта в построении идентичности, отражающейся в содержании его истории, и более широкие контексты – социальные институты, их идеологии и тенденции развития, культуру и ее требования.

Глава 2 «Программа эмпирического исследования религиозной идентичности чеченских студентов» посвящена обоснованию организации исследования, описанию методов и выборки эмпирического исследования.

В параграфе 2.1 «Обоснование изучения религиозной идентичности чеченских студентов» обозначено, что мусульманская идентичность представляет собой один из видов социальной идентичности, на формирование которой оказывают

воздействие различные религиозные институты, организации и объединения, что отражает сложный процесс, связанный с осознанным отождествлением субъектом себя с трансцендентным.

Особое внимание уделено анализу результатов исследования религиозной идентичности чеченцев и ингушей отечественных психологов О.С. Павловой, В.М. Миназовой, О.Е. Хухлаева, А.Х. Тарамовой и др., осуществленных в 2015 году на базе ЧГУ и ЧГПУ, согласно которым религиозная идентичность студентов Чечни представляет собой четырехфакторную структуру, включающую параметры (в порядке убывания): индивидуальную духовную идентичность, идентичность по вероисповеданию, социальную духовную идентичность и идентификацию с помощью религии как способа взаимодействия. Данные исследования компонентов религиозной идентичности по методам К. Линча и Д. Ван Кампа показали, что чеченские студенты идентифицируют себя в первую очередь с представителями религии (мусульманами), т.е. религия выступает для них определяющей ценностью, а потом уже представляют себя как представители чеченского народа. При этом, наибольшим весом в структуре религиозной идентичности чеченских студентов обладает удовлетворенность членством в группе, выраженность (центральность) ингрупповой идентичности, сплоченность/ приверженность группе.

В параграфе 2.2 «Цели, задачи и гипотезы исследования» изложены постановка проблемы, цель, предмет, гипотезы и задачи эмпирического исследования в соответствии с общей направленностью работы.

В параграфе 2.3 «Диагностический инструментарий» дано описание используемых психодиагностических методик: анкеты «Мое отношение к религии» И.Э. Соколовской (в авторской адаптации к верующим-мусульманам); шкалы религиозной ориентации Г. Олпорта, Д. Росса, опросника «Структура индивидуальной религиозности» Ю.В. Щербатых; анкеты Н. М. Лебедевой А.Н. Татарко по изучению определенности и валентности этнической идентичности и готовности к межэтническому взаимодействию (I-й блок); методики «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой; опросника «Стратегии и модели преодолевающего поведения» (СПСС) Г.С. Никифорова; теста самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона.

В параграфе 2.4 «Описание математико-статистических методов, применяемых в исследовании» представлены применяемые математико-статистические методы обработки данных с использованием стандартных пакетов программ Microsoft Excel XP и SPSS for Windows v.13.0.

В параграфе 2.5 «Описание выборки исследования» показано, что в исследовании участвовали 360 студентов Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Чеченский государственный педагогический университет» (г. Грозный) в возрасте от 17 до 28 лет, среди них 225 женщин и 134 мужчин.

Для анализа полученных данных в возрастном аспекте мы поделили выборку на две группы: 287 человек – в возрасте до 22 лет, 73 человек – от 23 до 28 лет. При делении на возрастные группы с данными границами мы опирались на концепции развития групповой идентичности К.Окампо, М.Бернала, П.Найта, И.А. Снежковой, В.Ю. Хотинец, в которых отмечается, что в 16-17 лет укрепляется осознание своей принадлежности на основании сложных механизмов социокультурной идентичности и межпоколенной передачи информации, завершается формирование групповой идентичности и процесс поэтапного осознания неизменности основных

психосоциальных характеристик. Согласно В.Ю. Хотинец, в возрасте 18-22 лет самоидентификация уже строится на принципе «Мы-Они» и образуется жесткая система дифференцирующих признаков социокультурных групп.

В главе 3 «Анализ результатов эмпирического исследования религиозной идентичности чеченских студентов» представлена эмпирическая часть диссертационного исследования.

В параграфе 3.1 «Результаты исследования религиозности личности, типа религиозной ориентации, отношения к религии и социальных представлений о религиозности студентов-представителей чеченской этнической культуры» представлено описание отношения респондентов к религии и к соблюдению религиозных обрядов, места религии в жизни респондентов, представлений о вере, религиозных потребностях и целях. При этом половые различия выявлены в понимании веры как источника знания о том, как надо жить, что можно и чего нельзя делать (при $p< 0,001$), как обеспечения поддержки в трудных ситуациях (при $p< 0,01$), чувства причастности, что не позволяет ощущать себя одиноким (при $p<0,001$), показатели по которым выше в женской выборке. Понимание веры как ресурса борьбы с жизненными кризисами более представлено в мужской группе (при $p< 0,005$).

С помощью опросника «Шкала религиозной ориентации» Г. Олпорта и Д. Росса были выявлены типы религиозных ориентаций чеченских студентов. Согласно полученным значениям индекса религиозности можно разделить респондентов на четыре группы, в зависимости от типа религиозности: внешне и внутренне религиозных личностей, непоследовательно религиозных и нерелигиозных (см. рисунок 1).

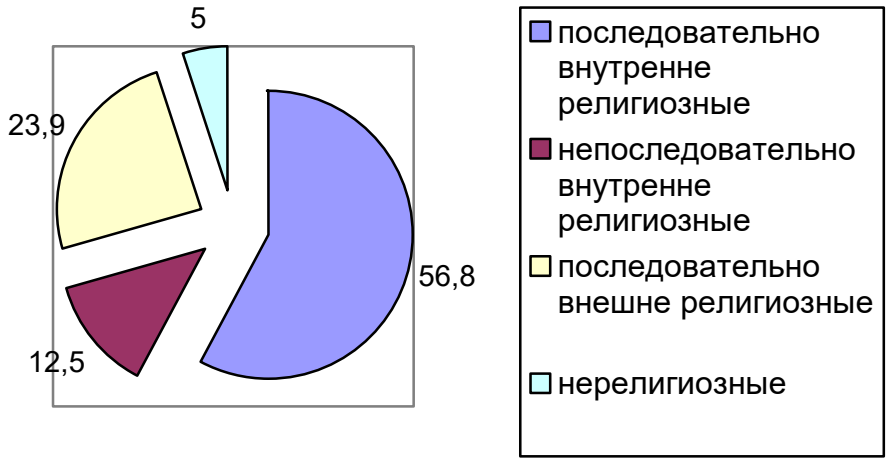

Рисунок 1. Распределение типов религиозной ориентации у чеченских студентов,в %

Среди опрошенных 58,6% с интринсивной (внутренней) религиозной ориентацией, сопровождающейся базовым религиозным чувством, при котором религия представляет собой самостоятельную и конечную ценность и первичный мотив, не подчиняющийся другим мотивам. Потребности, не связанные с религией, какими бы сильными они не были, не имеют принципиального значения для личностей с внутренней религиозной ориентацией, если не находятся «в гармонии с религиозными убеждениями и предписаниями». Личности с подобной системой взглядов стараются ее интериоризировать и «всецело следовать ей». Эти респонденты относятся к группе последовательно внутренне религиозных личностей, которые «мотивируют свою деятельность в разных социальных сферах религиозной верой», а

свое поведение стараются подчинить религиозным нормам и предписаниям». Их религиозный поиск представляет собой самоцель, а религия – ценность, лежащую в основе системы ценностей.

23,9% студентов с экстринсивной (внешней) религиозной ориентацией, которая представляет собой религиозность, характеризующуюся только инструментальной или внешней значимостью. Лица с данной религиозной ориентацией склонны использовать религию в собственных целях. Для них религия как ценность играет второстепенную роль и служит инструментом для достижения других более значимых ценностей. Лица с внешней религиозной ориентацией зачастую используют религиозное чувство и причастность к религиозной группе с целью обеспечения «безопасности, комфорта, статуса или социального одобрения». Личности с экстринсивной религиозной ориентацией считают религию полезной, так как, по их мнению, она может обеспечить им уверенность и утешение, способствует установлению социальных контактов, достижению статуса, выполняет функцию самооправдания, а также своего рода рекреационную функцию, заключающуюся в участии в религиозных обрядах и праздниках, деятельности религиозных групп и организаций. Проявления внешнего благочестия представляют собой средства своей социальной респектабельности и лояльности по отношению к общепринятому и установленному образу жизни. Таким образом, личности с выраженной экстринсивной религиозной ориентацией являются последовательно внешне религиозными, они не живут ради религии, хотя обращены к Аллаху, но центрированы на собственной личности и собственных интересах.

Группу непоследовательно религиозных личностей составили 12,5% выборки. Эти респонденты демонстрируют преобладание внешней религиозной ориентации над внутренней. У них слабо выражена тенденция к главенствующей роли религии, мотивирующей поведение. Они характеризуются другими потребностями, имеющими принципиальное значение и находящимися в противоречии с религиозными предписаниями. Непоследовательно религиозные личности слабо ориентированы на религиозные переживания и не характеризуются религиозным мировоззрением.

Нерелигиозные личности составили 5% выборки. Для них религиозность не представляет ни инструментальной (внешней) значимости, но также не выступает базовым мотивом, имеющим внутреннюю ценность.

Интересен тот факт, что женщины и мужчины в нашем исследовании характеризуются статистически достоверными различиями по шкалам внешней (при вероятности допустимой ошибки $p < 0,01$) и внутренней (при $p<0,05$) религиозных ориентаций. Мужчины в большей степени, чем женщины, обладают экстринсивной религиозностью, а женщины, напротив, интринсивной религиозностью (отметим, что по данной шкале методики производится инверсия числовых значений на противоположные). Следовательно, женщины-чеченки в большей степени, чем мужчины, стараются интериоризировать религиозную систему ценностей и «всецело следовать ей», что сопровождается религиозными чувствами, при которых религия представляет собой самостоятельную и конечную ценность. Они мотивируют свою деятельность в различных социальных сферах религиозной верой, а свое поведение стараются подчинить религиозным нормам и предписаниям.

У мужчин же в большей степени выражена экстринсивная религиозная ориентация, когда религия как ценность играет второстепенную роль и служит инструментом для достижения других значимых ценностей, так как может обеспечивать чувства уверенности и утешения, способствует установлению

социальных контактов, достижению определенного социального статуса и пр. Проявления внешнего благочестия у мужчин представляют собой доказательства своей социальной респектабельности и лояльности по отношению к общепринятому и установленному образу жизни.

Сравнивая мужчин и женщин по типам религиозной ориентации мы видим (рисунок 2), что среди женщин больше последовательно внутренне религиозных и непоследовательно религиозных личностей, а среди мужчин – последовательно внешне религиозных и нерелигиозных личностей.

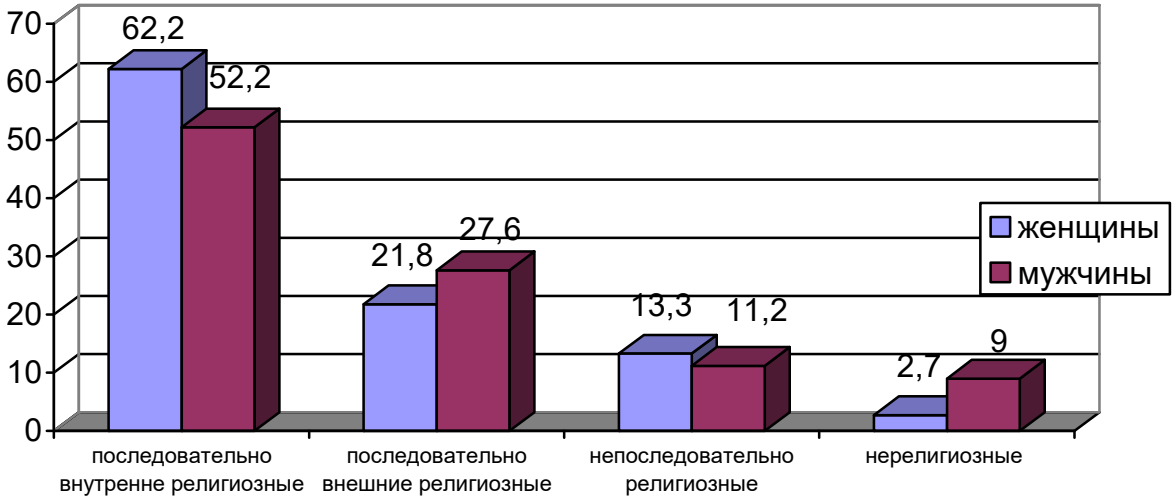

Рисунок 2. Распределение типов религиозной ориентации респондентов в зависимости от пола, в %

В результате проведенного сравнительного анализа религиозных ориентаций чеченских студентов в зависимости от возраста, мы определили, что экстринсивная (внешняя) религиозная ориентация в большей степени присуща молодым чеченцам в возрасте до 22 лет (при $p < 0,01$), что говорит об их стремлении к проявлению внешнего благочестия с целью доказательства своей социальной респектабельности и лояльности по отношению к общепринятому и установленному образу жизни, когда религия как ценность играет второстепенную роль и служит инструментом для достижения других значимых ценностей. При этом (см. рисунок 3) респонденты исследуемых возрастных групп отличаются по последовательно внутренне религиозному типу, где показатели выше у опрошенных старше 23 лет, а показатели по типу последовательно внешне религиозные выше у молодых людей до 22 лет.

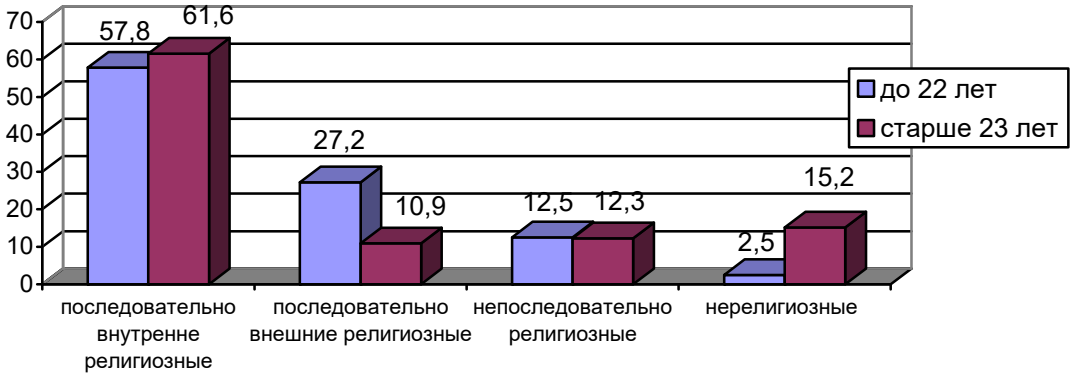

Рисунок 3. Анализ возрастных различий по типам религиозной ориентации, в %

Также среди старшего поколения больше нерелигиозных личностей, чем среди молодых людей.

Диагностика структуры индивидуальной религиозности по методике Ю.В.Щербатых позволила определить следующие особенности религиозной идентичности чеченских студентов, которые мы расположили в порядке убывания:

- религиозное самосознание, основанное на религиозном веровании, что отражает интегративную функцию религии, которая позволяет человеку осознавать себя членом религиозной общности, скрепленной общими ценностями и целями, и дает ему возможность самоопределиться в общественной системе с установленными в ней верованиями, ценностями, нормами поведения и образом жизни;

- религиозная идентичность, основанная на вере в творца, характеризующейся признанием существования высшей силы, создавшей мир, что отражает мировоззренческую функцию религии, которая опирается на религиозную веру и связана с определенным отношением человека к надчеловеческому духовному миру, некой сверхчеловеческой реальности, о которой человек кое-что знает, на ценности которой он должен ориентировать свою жизнь;

- религиозная идентичность, опирающаяся на философскую концепцию, отражающую гносеологические корни религиозности, когда, по утверждениям респондентов, религия наполняет их жизнь неким особым значением и смыслом;

- религиозность, основанная на тенденции искать в религии поддержку и утешение; в данном случае преобладает компенсаторная, или утешительная, своего рода психотерапевтическая, функция религии, которая тесно связана с ее мировоззренческой функцией и обрядовой частью: суть ее заключается в возможности религии возмещать, компенсировать человеку его зависимость от природных и социальных факторов и катаклизмов, нивелировать ощущение собственного бессилия, понижать субъективное восприятие остроты тяжелых переживаний личных неудач, обид или невзгод бытия, страха перед смертью; здесь также имеет место реализация коммуникативной функции религии, детерминирующей общение верующих между собой, в том числе и в обрядовой жизни, общение с Аллахом, его посланниками и пророками;

- внешние признаки религиозности, позволяющей реализовать культурную функцию религии, воздействуя на распространение религии и связанной с ней исламской культурой;

- религиозность как образец моральных норм поведения, отражающая осознание человеком содержания определенных ценностных установок и нравственных норм поведения, которые вырабатываются в каждой религиозной традиции и представляют собой своеобразную программу поведения людей.

Отношение к религии как к магии, связанное с допущением существования колдунов и ведьм, возможности «сглаза» и «наведения на человека порчи», в исследуемой группе студентов не является представленным. Проявление интереса к так называемой «псевдонауке», связанной с загадочными и таинственными явлениями, также не свойственно данной выборке.

Выявлены статистически значимые половые различия по шкалам: «религия как поддержка и утешение» (при $p<0,001$), «внешние признаки религиозности» (при $p<0,05$), «вера в творца и признание высшей силы» (при $p<0,001$), «религия как образец моральных норм», показатели по которым выше в женской выборке; «религия как псевдонаука», показатели по которой выше в мужской выборке.

Следовательно, женщины в большей степени, чем мужчины находят в религии и религиозной практике поддержку и утешение, что проявляется в религиозном мировоззрении, основанном на вере в творца и признании существования высшей силы, создавшей мир; осознании содержания определенных ценностных установок и нравственных норм поведения, согласно мусульманской традиции, выполнении обрядовой части религии через коммуникативные практики и внешние признаки религиозности.

Выявлены статистически значимые различия между респондентами до 22 лет и старше 23 лет. Опрошенные до 22 лет характеризуются религиозной ориентацией с инструментальной значимостью, сопровождающейся верой в творца, признанием существования высшей силы, создавшей мир, что отражает мировоззренческую функцию религии. Молодые люди до 22 лет, относящиеся к внешне последовательно религиозным, зачастую используют религиозные чувства и причастность к религиозной группе с целью обеспечения «безопасности, комфорта, статуса или социального одобрения», считая, что проявления внешнего благочестия выступает средством социальной респектабельности и лояльности по отношению к общепринятому и установленному образу жизни, характеризующемуся определенными ценностными установками и нравственными нормами поведения.

Респонденты старше 23 лет характеризуются статистически более высокими показателями по восприятию религии как философской концепции (при $p < 0{,}001$), религиозному самосознанию (при $p < 0{,}01$). Другими словами поколение от 23 до 28 лет склонны в религии видеть жизненную концепцию, отражающую гносеологические корни религиозности, когда религия наполняет их жизнь неким особым значением и смыслом; что отражается на религиозном самосознании, способствуя осознанию себя членом единой религиозной общности, скрепленной общими ценностями и целями, и дает человеку возможность самоопределиться в общественной системе с установленными в ней верованиями, ценностями, нормами поведения и образом жизни. Интересно, что показатели по шкалам «религия как псевдонаука» (при $p<0{,}005$) и «религия как магия» (при $p < 0{,}001$) также статистически достоверно выше у респондентов старше 23 лет. Т.е. при выраженном религиозном самосознании у респондентов старше 23 лет имеет место допущение существования колдунов и ведьм, возможности «сглаза» и «наведения на человека порчи»; а также проявление интереса респондентов к так называемой «псевдонауке», связанной с загадочными и таинственными явлениями.

В параграфе 3.2 «Результаты исследования особенностей этнической идентичности чеченских студентов» представлены результаты, полученные с помощью анкеты А.Н. Татарко, Н.М. Лебедевой и методики Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой.

19,3% выборки с низким уровнем позитивности этнической идентичности, который характеризуется некоторым угасанием стремления сохранять культуру и знать историю своего народа, что сопровождается отрицанием его положительного образа. 17,3% со средним уровнем позитивности этнической идентичности, что является естественной для человека формой идентичности, которую он стремится сохранить или восстановить, в связи с тем, что она дает ему ощущение психологической безопасности и стабильности: образ собственного народа воспринимается как положительный, что сопровождается благоприятным отношением к его культуре и истории. 58,1% респондентов с высоким уровнем позитивности этнической идентичности, что представляет собой доминирующую

этническую идентичность в иерархии социальных идентичностей индивида, обусловленную выраженной потребностью в идентификации со своей этнической группой, консолидированностью с ней, и иногда сопровождается этноцентристскими стереотипами, предубеждениями к представителям других этнических групп.

Анализ результатов исследования типов этнической идентичности по методике Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой показал, что в данной выборке преобладает позитивная этническая идентичность по типу нормы, которая свойственна 79,1% респондентов, что говорит о позитивном образе собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Отметим, что позитивная этническая идентичность по методике Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, как и по методике А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой, выше у женщин в сравнении с мужчинами на уровне статистической достоверности $p<0,001$ и $p<0,05$ соответственно.

Позитивная нормальная этническая идентичность у некоторых респондентов сопровождается различными гиперпозитивными этническими тенденциями. Так, нами выявлено 26,7% выборки с этнической идентичностью по типу «национальный фанатизм», при котором наблюдается доминирование этнических интересов и целей. Также определились респонденты с выраженной этноиндифферентностью, что составило 22,8% выборки. Этноизоляционизм выявлен у 7,5% респондентов, что проявляется в убежденности в превосходстве своего народа, в признании необходимости «очищения» национальной культуры, при негативном отношении к брачным межнациональным союзам и ценностям «чужих» народов. Этноэгоизм свойственен 5,3% выборки, что проявляется в ощущении «природного» приоритета ценностей и интересов чеченской группы над другими этническими группами.

При этом подобные этноцентристкие тенденции в большей степени выражены у мужчин, чем у женщин. Так, проявления национального фанатизма статистически достоверно отличаются при $p<0,001$, этноэгоизма – при $p<0,005$, этноизоляционизма – при $p< 0,001$.

Этнонигилизм выявлен у 1,9% выборки, что сопровождается отрицанием этничности и этнических ценностей, как значимых характеристик взаимодействия людей. Показатели по этнонигилизму выше в мужской выборке при сравнении с женской на уровне достоверности $p<0,001$.

Выявлены статистически достоверные различия в группах до 22 лет и старше. Так, у респондентов младше 22 лет более выражены такие показатели, как позитивная этническая идентичность, при которой этническая идентичность занимает значимое место в идентификационной матрице, что обусловлено выраженной потребностью в идентификации со своей этнической группой, консолидированностью с ней (при $p<0,001$), позитивном образе собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам (при $p<0,1$), оптимизмом относительно будущего межэтнических отношений и верой в построение межэтнических отношений на основе доверия и взаимопонимания (при $p<0,1$), что сопровождается этноэгоистическим ощущением «природного» приоритета ценностей и интересов своей этнической группы над другими и выражается на вербальном уровне через призму конструкта «мой народ», а иногда сопровождается напряженностью и раздражением в общении с представителями других этнических групп (при $p<0,001$).

Респонденты старше 23 лет отличаются от более молодого поколения, с одной стороны, этноиндифферентными тенденциями (при $p<0,001$), проявляющимися в

равнодушном отношении к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, в демонстрации независимости от норм и традиций собственной этнической группы, когда на их жизненные поступки и поведение в любых сферах деятельности не оказывают влияние ни их собственная этническая принадлежность, ни этничность других, а, с другой, этноцентрическими тенденциями, проявляющимися в национальном фанатизме с доминированием этнических интересов и целей (при $p<0,05$).

Параграф 3.3 «Результаты исследования особенностей преодолевающего поведения и стрессоустойчивости чеченских студентов» посвящен описанию доминирующих стратегий преодолевающего поведения студентов-представителей чеченской этнической группы: поиск социальной поддержки, осторожные действия, избегание и агрессивные действия. Большинство респондентов также используют такие стратегии, как вступление в социальный контакт, манипулятивные действия, ассертивные действия и импульсивные действия. Практически не представлены в данной выборке асоциальные действия.

Таким образом, чтобы адаптироваться к требованиям ситуации с целью редуцирования ее стрессового воздействия чеченские студенты прибегают к просоциальной модели поведения, заключающейся в поиске эмоциональной, материальной или информационной помощи, которая предоставляется другими людьми, готовыми ему помочь вниманием, советом, сочувствием и пр. (поиск социальной поддержки), наряду с пассивной моделью преодоления с четким продумыванием действий и поступков, сопровождающимся осторожностью в принятии решений (осторожные действия). В случаях, характеризующихся недостаточным развитием личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблем, респонденты используют пассивную поведенческую стратегию, стараясь избежать контакта с окружающей средой, уходя от решения проблем (избегание). Также респондентам свойственно мотивированное разрушительное поведение, которое может выступать в качестве средства достижения какой-либо значимой цели, в том числе повышения собственного статуса за счет самоутверждения (агрессивные действия).

Тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона показал: 6,3% выборки характеризуются высокой и хорошей стрессоустойчивостью, что говорит о высокой степени их адаптации к воздействию экстремальных факторов как внешней, так и внутренней среды, что сопровождается активацией функциональных ресурсов организма при негативных эмоциональных переживаниях. 8,4% респондентов с удовлетворительной стрессоустойчивостью, т.е. адаптацией к воздействию внешних и внутренних факторов в процессе жизнедеятельности, обусловленной средним уровнем активации ресурсов организма и психики индивида. 74,2% выборки с плохой стрессоустойчивостью, не обеспечивающей гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации, 10,6% с очень плохой стрессоустойчивостью, обусловленной низким уровнем активации ресурсов организма и психики, проявляющимся в различных функциональных состояниях и низкой работоспособности.

Представлены половые и возрастные различия в стратегиях преодолевающего поведения и стрессоустойчивости у чеченских студентов.

В параграфе 3.4 «Результаты факторного анализа» представлены и описаны результаты данной статистической процедуры (таблица 1).

Таблица 1. Факторные веса исследуемых переменных

Переменные	Факторная нагрузка
Фактор I. « Этнокультурная религиозная идентичность» (доля дисперсии 20,993%)	
Религия как философия	0,677
Религия как поддержка и утешение	0,711
Внешние признаки религиозности	0,712
Вера в творца и божественные силы	0,838
Позитивность этнической идентичности	0,411
Фактор II. « Этноцентрическая идентичность » (доля дисперсии 11,245%)	
Общероссийская идентичность	-0,591
Оптимизм относительно будущего межэтнических отношений	-0,464
Этнонигилизм	0,562
Нормальная позитивная этническая идентичность	-0,397
Этноэгоизм	0,777
Этноизоляционизм	0,852
Национальный фанатизм	0,731
Фактор III. «Асоциальная идентичность» (доля дисперсии 8,989%)	
Религия как певдонаука	0,525
Осторожные действия	0,484
Избегание	0,613
Манипулятивные действия	0,874
Асоциальные действия	0,433
Агрессивные действия	0,585
Фактор IV. «Истинная мусульманская идентичность» (доля дисперсии 8,032%)	
Религиозное самосознание	0,807
Религия как образец моральных норм	0,780
Поиск социальной поддержки	0,686
Фактор V. «Формальная религиозная идентичность» (доля дисперсии 6,563%)	
Поиск социальной поддержки	0,468
Внешние признаки религиозности	0,302
Осторожные действия	0,468
Агрессивные действия	-0,325
Амбивалентная этническая идентичность	-0,825
Оптимизм относительно будущего межэтнических отношений	0,670
Фактор VI. «Неадаптивная религиозная идентичность» (доля дисперсии 5,738%)	
Внешняя религиозность	0,413
Внутренняя религиозность	-0,719
Стрессоустойчивость	0,894

Фактор VII. «Позитивная этническая идентичность» (доля дисперсии 4,658%)	
Позитивная этническая идентичность	0,463
Общероссийская идентичность	0,360
Этнонигилизм	-0,450
Этноиндифферентность	-0,843
Нормальная позитивная этническая идентичность	0,606
Фактор VIII. «Просоциальная религиозная идентичность» (доля дисперсии 4,533%)	
Внешняя религиозная идентичность	0,491
Религия как магия	0,673
Ассертивные действия	0,830
Избегание	-0,402
Фактор IX. «Неорелигиозная ориентация» (доля дисперсии 3,828%)	
Религия как философия	0,450
Религия как образец моральных норм	-0,352
Асоциальные действия	-0,303

Первый фактор собрал переменные, касающиеся религиозной идентичности, основанной на вере в творца, характеризующейся признанием существования высшей силы, создавшей мир, что выражается в философской концепции о том, что религия наполняет жизнь неким особым значением и смыслом; тенденции искать в религии поддержку и утешение через общение верующих между собой, опосредованное религиозными ценностями и убеждениями, отражающими мировоззренческую функцию религии, которые опираются на религиозную веру и связаны с определенным отношением человека к надчеловеческому духовному миру, позволяя реализовать культурную функцию религии наряду со стремлением сохранить позитивную этническую идентичность, когда образ собственного народа воспринимается как положительный и сопровождается благоприятным отношением к этнической культуре и истории своего этноса. Сочетание данных переменных мы назвали «Этнокультурная религиозная идентичность», которая дает респондентам ощущение психологической безопасности и стабильности.

Второй фактор, который назван «этноцентрическая идентичность», собрал положения, относящиеся к негативизму, враждебным реакциям в отношении других этнических групп, напряженности и раздражении в общении с представителями иных этногрупп, убежденности в превосходстве своего народа, в признании необходимости «очищения» национальной культуры, при отрицании ценности и значимости этничности как характеристики процесса взаимодействия людей, доминировании этнических интересов и целей, что сопровождается негативным отношением к брачным межнациональным союзам и ценностям «чужих» народов. Другими словами, данный фактор собрал переменные, отражающие проявления этнической интолерантности при снижении актуальности и значимости общероссийской идентичности, отсутствии веры в прекращение конфликтов между народами и установление взаимопонимания между ними на основе доверия при снижении межнациональной напряженности. Заметим, что данная совокупность переменных отрицательно коррелирует с позитивностью этнической идентичности. Т.е. при

отрицательном образе собственной этнической группы, имеет место идентичность, отражающая этноцентрическую идеологию об исключительности и превосходстве своего народа по правам и развитию, что порождает негативизм и враждебность по отношению к другим этническим группам.

Третий фактор объединяет веру в загадочные и таинственные явления, манипулятивные действия с навязыванием собственных взглядов другим людям, сопровождающееся мотивированным разрушительным поведением, выступающим в качестве средства достижения какой-либо значимой цели, и противоречащим общественным нормам и принципам, при четком продумывании действий и поступков, осторожностью в принятии решений, и стремлением избежать контакта с окружающей средой при решении проблем. Наибольшую факторную нагрузку имеет показатель «непрямые манипулятивные действия», что позволяет назвать данный фактор «Асоциальная идентичность».

Следующий фактор можно охарактеризовать через религиозное самосознание, позволяющее человеку осознавать себя членом религиозной общности, скрепленной общими ценностями и целями, основанными на религиозном веровании, что дает возможность следовать определенным ценностным установкам и нравственным нормам поведения, которые вырабатываются в рамках религиозной традиции и представляют собой своеобразную программу поведения людей; способствует самоопределению в общественной системе с установленными в ней верованиями, ценностями, нормами поведения и образом жизни; приводит к формированию просоциальной модели поведения, заключающейся в поиске эмоциональной, материальной или информационной помощи, предоставляемой другими людьми. Совокупность данных показателей позволяет назвать этот фактор «Истинная мусульманская идентичность».

Пятый фактор, названный нами «формальная религиозная идентичность», включает переменные, связанные с проявлениями внешних признаков религиозности, позволяющей реализовать культурную функцию религии, с поиском социальной поддержки (эмоциональной, материальной или информационной помощи), с четким осознанием себя членом чеченской этнической группы, с продумыванием действий и поступков, сопровождающихся осторожностью в принятии решений, оптимизмом относительно будущего межэтнических отношений и убежденностью в прекращении конфликтов между народами, установлением доверия между ними и взаимопонимания, что сопровождается мотивацией неразрушительного поведения для достижения какой-либо значимой цели.

Шестой фактор отражает сочетание экстринсивной и интринсивной религиозных ориентаций, что связано со снижением адаптивных функций организма и психики при воздействии экстремальных факторов как внешней, так и внутренней среды (отметим, что при оценке стрессоустойчивости используется инверсия шкалы). Данный фактор назовем «Неадаптивная религиозная идентичность».

Седьмой фактор «Позитивная этническая идентичность» отражает корреляции между позитивной этнической идентичностью, когда образ собственного народа воспринимается как положительный, сопровождается благоприятным отношением к его культуре и истории при значимости общероссийской идентичности, признании ценности этничности и этнических ценностей, неравнодушном отношением к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, а также к ценностям своего и других народов.

Восьмой фактор «Просоциальная религиозная идентичность» собрал переменные, отражающие второстепенную ценность религии на фоне других значимых ценностей, что сопровождается открытым поведением с уверенным отстаиванием своих прав, не ущемляющим при этом прав других, выступая доказательством своей социальной респектабельности и лояльности по отношению к общепринятому и установленному образу жизни.

Девятый фактор «Неорелигиозная ориентация» включает религиозную идентичность, опирающуюся на философскую концепцию, при которой религия наполняет жизнь особым значением и смыслом, не противоречащим общественным нормам и принципам.

Таким образом, результаты факторного анализа показали, что у чеченских студентов значимыми являются религиозная и этническая идентичности, а также их сочетание – этнокультурная религиозная идентичность. Полученные результаты частично подтверждают предположение о том, что чеченские студенты характеризуются внутренней религиозностью наряду с утратой этнокультурной идентичности. Так, формальная религиозная идентичность не связана с этнической идентичностью. Неадаптивная религиозная идентичность не обнаруживает связей с этнической идентичностью и характеризуется смешением внутренней и внешней религиозных ориентаций личности, что, согласно исследованиям Г.И. Даниловой и А.М. Двойнина, можно назвать смешанным типом религиозности личности [41]. Но при этом, выраженность этнической идентичности опровергает предположение о том, что чеченские студенты характеризуются внутренней религиозностью наряду с утратой этнокультурной идентичности, а повышение религиозной идентичности чеченских студентов не сопровождается утратой этнокультурной идентичности. Более того выявлены виды этнической идентичности, которые не сопровождаются выраженностью религиозной идентичности личности: позитивная этническая идентичность и этноцентристская идентичность.

Полученные данные подтверждают частную гипотезу о том, что религиозная идентичность чеченских студентов типологизируется на внешнюю, внутреннюю и отражает различные связи с этнической идентичностью.

Согласно результатам исследования, можно выделились полюсы по этнической идентичности (этноцентрическая идентичность – позитивная этническая идентичность) и по религиозной идентичности (истинная мусульманская идентичность – формальная религиозная идентичность – просоциальная религиозная идентичность – неадаптивная религиозная идентичность – неорелигиозная ориентация).

В параграфе 3.4 «Результаты корреляционного анализа» описаны связи внешней и внутренней религиозной ориентаций с другими исследуемыми переменными, что представлено (в сокращенном виде) на корреляционных плеядах (см. рисунки 4 и 5).

Внешняя религиозная ориентация характеризуется связями (см. рисунок 4) с религиозной ориентацией, сопровождающейся базовым религиозным чувством; низкой стрессоустойчивостью, не обеспечивающей гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации; внешними признаками религиозности, позволяющими реализовать культурную функцию религии; четким осознанием своей этнической принадлежности с ощущением «природного» приоритета ценностей и интересов чеченской группы над другими этническими группами, убежденностью в превосходстве своего народа, переходящей

в тенденцию доминирования этнических интересов и целей, при которой наблюдается поиск эмоциональной, материальной или информационной помощи, предоставляемой другими людьми, с которыми сообща решаются возникающие проблемы; сопровождается оптимизмом относительно будущего межэтнических отношений, связанным с верой в прекращение конфликтов между народами и искоренение межнациональной напряженности, в построение межэтнических отношений на основе доверия и взаимопонимания.

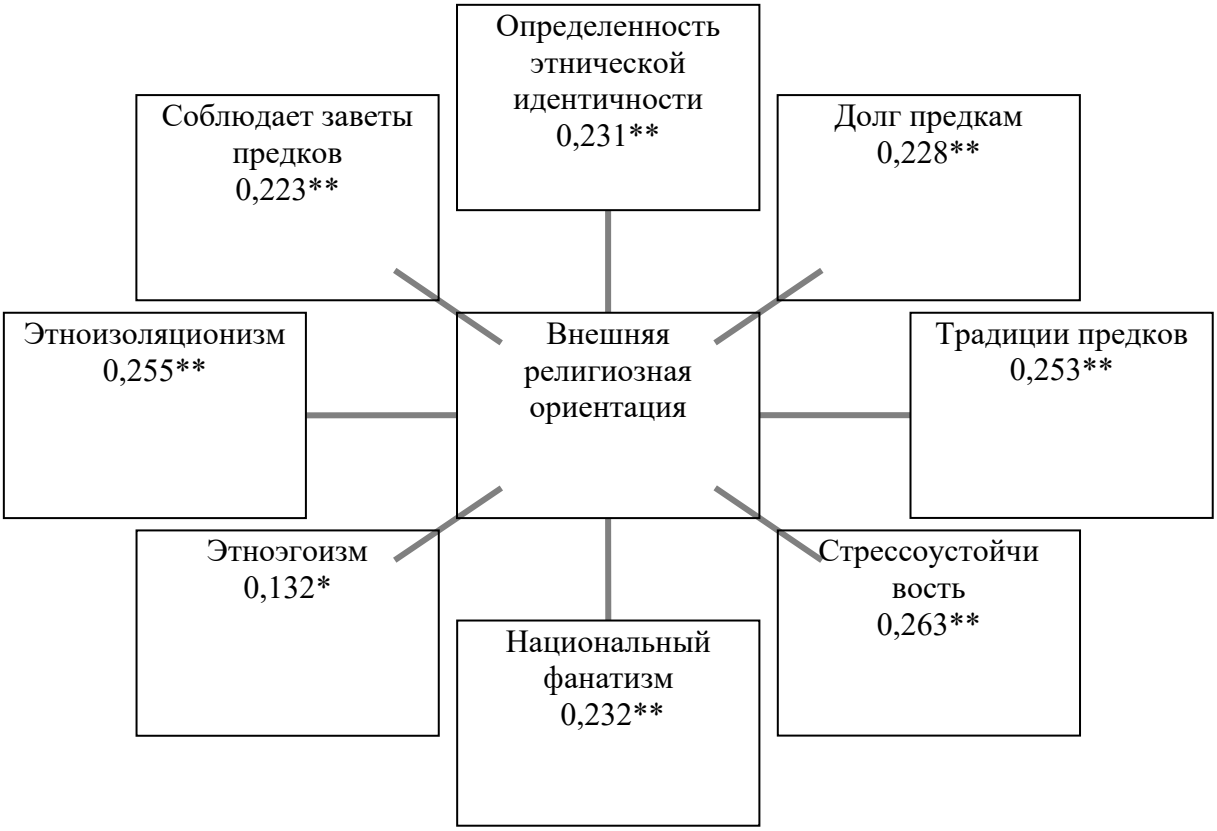

Рисунок 4. Корреляционная плеяда «Связь внешней религиозной ориентации с показателями этнической идентичности и стрессоустойчивостью»

Интерес представляют выявленные связи: чем выше внешняя религиозная ориентация, тем в меньшей степени респонденты соблюдают религиозные обряды и праздники, но довольно часто при этом посещают мечеть. Далеко не все респонденты читают Коран и характеризуются потребностью соблюдать религиозные обряды, при более выраженной потребности соблюдать заветы предков, что сопровождается чувством благоговения, покоя и умиротворенности, единства пребывания среди единомышленников. Данные выводы подчеркивают значимость этнической идентичности для исследуемых респондентов, представленность этноцентрических тенденции, что не сопровождается выраженной позитивностью этнической идентичности, т.е. положительным образом своего народа, благоприятным отношением к его культуре и истории, что связано с ощущением психологической безопасности и стабильности.

Внутренняя религиозная ориентация опирается на веру в творца, признание существования высшей силы и проявляется в философской концепции религии, когда она наполняет жизнь неким особым значением и смыслом и задает ориентиры в жизненных ценностях и позициях, что приводит к формированию религиозного

самосознания, основанного на религиозном веровании, позволяя человеку осознавать себя членом единой религиозной общности, скрепленной общими ценностями и целями, способствуя его самоопределению в общественной системе с установленными в ней верованиями, ценностями, нормами поведения и образом жизни, и коррелирует (см. рисунок 5) с позитивностью, определенностью и устойчивостью этнической идентичности, сопровождающейся положительным образом своего народа, благоприятным отношением к его культуре и истории, что связано с ощущением психологической безопасности и стабильности, и акцентом на доминировании этнических интересов и целей; оптимизмом относительно межэтнических отношений, вере в прекращение конфликтов между народами, в установление доверия и взаимопонимания между ними при ценностном отношении к этническому многообразию и этническим различиям.

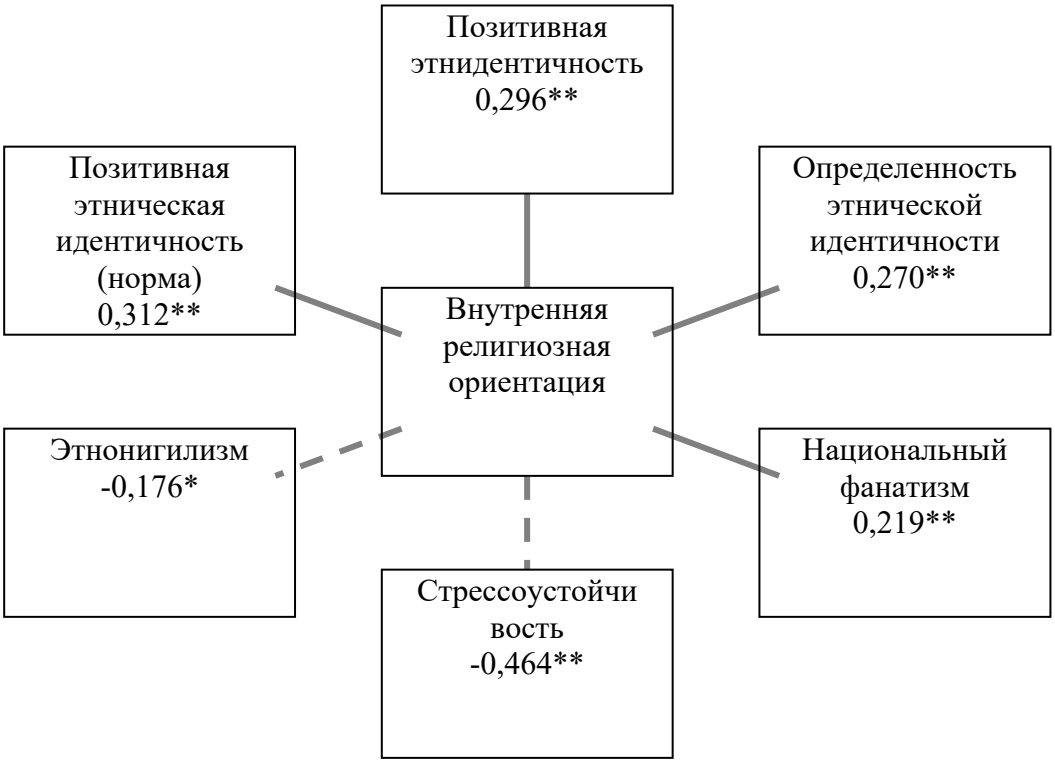

Рисунок 5. Корреляционная плеяда «Связь внутренней религиозной ориентации с показателями этнической идентичности и стрессоустойчивостью»

Внутренняя религиозная ориентация обнаруживает связь с просоциальной моделью поведения, заключающейся в поиске эмоциональной, материальной или информационной помощи от других, стремлении к совместному принятию решений с другими членами своей социальной группы, без навязывания собственных взглядов, и не противореча общественным нормам и принципам, что повышает стрессоустойчивость личности, обеспечивающую гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации.

Анализ корреляционного анализа и полученных связей внешней и внутренней религиозных ориентаций с исследуемыми переменными позволяет заключить, что их содержательные характеристики имеют различия.

Отметим, что гипотеза о том, что чеченские студенты характеризуются внутренней религиозностью наряду с утратой этнокультурной идентичности, не

нашла своего экспериментального подтверждения. Частная гипотеза о том, что при повышении религиозной идентичности утрачивается этнокультурная идентичность, получила частичное подтверждение. Действительно, при усилении внешней религиозной ориентации снижается позитивность этнической идентичности при повышении ее значимости, что сопровождается этноцентрическими тенденциями. Внутренняя же религиозная идентичность связана с позитивным образом своей этнической группы и сопровождается благоприятным отношением к его культуре и истории при четком осознании своей этнической принадлежности.

Внешняя религиозная идентичность связана с открытым поведением, сопровождающимся уверенным отстаиванием своих прав, не ущемляющим при этом прав других, а внутренняя – без навязывания собственных взглядов и не противоречащая общественным нормам и принципам поведения.

Частная гипотеза о том, что религиозность чеченских студентов выполняет адаптивную функцию и представляет собой личностный ресурс в ситуации совладания с трудными жизненными ситуациями, также получила свое частичное эмпирическое подтверждение. Внешняя и внутренняя религиозные идентичности связаны с активной моделью действий, направленных на поиск эмоциональной, материальной или информационной помощи, которая предоставляется другими людьми, с которыми сообща решаются возникающие проблемы. Но при этом, внешняя религиозная ориентация сопровождается низкой стрессоустойчивостью, обеспечивающей слабую адаптацию к воздействию экстремальных факторов как внешней, так и внутренней среды, а внутренняя, напротив, обеспечивает гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации.

В Заключении диссертации подводятся общие итоги работы, отмечается, что основным результатом исследования является выявление особенностей религиозной идентичности чеченских студентов, раскрытие содержания их внутренней и внешней религиозной ориентации и определение видов религиозной идентичности. Намечаются перспективы для дальнейшего исследования в данной области.

В Приложениях представлена анкета «Мое отношение к религии» И.Э.Соколовской в авторской адаптации к мусульманам и результаты обработки эмпирических данных.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы.

1. Теоретический анализ показал, что религиозная идентичность – вид социальной идентичности, который проявляется в установке на принадлежность к определенной конфессии, интегрирует индивида с конфессиональной общностью, определяет миропонимание и выполняет функцию социальной регуляции в различных сферах жизни человека. Особенности религиозной идентичности обусловлены взаимодействием внешних условий социального и культурного контекста, а также ролью субъекта в ее построении.

2. Результаты эмпирического исследования позволили выявить, что большинство чеченских студентов характеризуются последовательно внутренней религиозной ориентацией и последовательно внешней религиозной ориентацией. Представления о вере у студентов-представителей чеченского этноса связаны с верой в Аллаха, которая обусловлена потребностью в защите и поддержке высшими силами, переживанием чувств благоговения, покоя и умиротворенности, надеждой на прощение грехов и вечную жизнь, спасение души и понимание смысла жизни. Вера

задает и объясняет нормы поведения, учит ответственности, помогает преодолевать трудности, обеспечивает поддержку в трудных ситуациях, не позволяя чувствовать себя одиноким, связана с честностью и порядочностью.

3. Структура индивидуальной религиозности чеченских студентов представлена в первую очередь: религиозным самосознанием, отражающим совокупность определенных ценностных установок и образцы морально-нравственных норм поведения, которые вырабатываются в исламской традиции и представляют собой своеобразную программу поведения людей; религиозной идентичностью, основанной на вере в творца и признании существования высшей силы, создавшей мир, опирающейся на философскую концепцию смысла жизни и связанной с поиском в религии поддержки и утешения через религиозную и коммуникативную практики в общении с Аллахом, пророками и верующими между собой.

4. Выявлено содержание религиозной идентичности чеченских студентов, которая обусловлена верой в высшую силу и признанием существования высшей силы, создавшей мир, а также моральными нормами и правилами поведения, что отражает мировоззренческую функцию религии. У студентов выражена позитивная этническая идентичность, сопровождающаяся этноэгоистическим ощущением приоритета ценностей и интересов своей этнической группы над другими, при оптимизме относительно будущего межэтнических отношений и вере в построение межэтнических отношений на основе доверия и взаимопонимания между народами.

5. Выявлены связи внутренней и внешней религиозных ориентаций между собой и с другими исследуемыми переменными, включая этническую идентичность, что позволило выделить существенные различия в их содержании.

6. Определены виды религиозной идентичности: этнокультурная религиозная идентичность, истинная мусульманская идентичность, формальная религиозная идентичность, просоциальная религиозная идентичность, неадаптивная религиозная идентичность, неорелигиозная ориентация. Наряду с видами религиозной идентичности чеченских студентов выявлены этноцентрическая идентичность и позитивная этническая идентичность.

7. Показаны статистически достоверные половые и возрастные различия в религиозной идентичности чеченских студентов.

Список работ, опубликованных по теме диссертации.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК и входящих в международные реферативные базы данных:

1. Хасханова, М.Т. Анализ классификаций и видов религиозной идентичности с позиции социально-психологического подхода /М.Т. Хасханова, М.В.Верещагина // Общество: социология, психология, педагогика, 2017. – Выпуск № 12. Режим доступа: https://doi.org/10.24158/spp.2017.12 (0,5/0,3 п.л.).

2. Хасханова, М.Т. Результаты пилотажного исследования религиозной идентичности чеченских студентов /М.Т. Хасханова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2019. – № 2. – С. 105-120. Режим доступа: http://msupsyj.ru/articles/volumes/2019_2.php (1 п.л.).

3. Хасханова, М.Т. Типы религиозной идентичности чеченских студентов /М.Т.Хасханова, М.В. Верещагина // Образование и наука, 2019. – Том 21. – №9 (ноябрь). – С. 80-98. Режим доступа: https:// DOI:10.17853/1994-5639 (1/0,5 п.л.), (Scopus).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Хасханова, М.Т. Религиозная идентичность как социально-психологическая проблема / М.Т. Хасханова // Психология и педагогика XXI века. Современные проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции (3 сентября 2017 г., г. Волгоград). – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – 236 с. – 191-194. (0,3 п.л.).
5. Хасханова, М.Т. Анализ подходов к исследованию идентичности личности / М.Т.Хасханова, М.В. Верещагина //Педагогика и психология в информационном обществе: сборник статей Международной научно-практической конференции (13 сентября 2017 г., г. Омск) – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – 172 с. – С.146-150. (0,2/0,1 п.л.).
6. Хасханова, М.Т. Общероссийская идентичность как основа межкультурного согласия и межэтнического согласия / М.Т. Хасханова, М.В. Верещагина // Личность и культура в глобализирующемся мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный, 23 ноября 2017г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. – 286 с. – С. 66-71. (0,2/0,1 п.л.).
7. Хасханова, М.Т. Религиозная идентичность современной молодежи Личность и культура в глобализирующемся мире / М.Т. Хасханова, А.Х. Тарамова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный, 23 ноября 2017г. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. – 286 с. – С. 254-258. (0,2/0,1 п.л.).
8. Хасханова, М.Т. Религиозная идентичность в структуре социальной идентичности личности / М.Т. Хасханова // «Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике»: электронный сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции (Москва, 2018). – М.: НИЦ МИСИ. – 2018. – С.186-191. / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://ricnauka.ru/arhiv-mezhdunarodnyh-konferentsij.html (0,3 п.л.).
9. Хасханова, М.Т. Факторы, влияющие на формирование религиозной идентичности / М.Т. Хасханова, М.В. Верещагина // Вестник научных конференций. Международная научно-практическая конференция «Вопросы образования и науки» (Тамбов, 30.11.2018*)//* Вестник научных конференций. – № 11 (39). –Т.1, 2018 . – С. 119-122. (0,2/0,1 п.л.).
10. Хасханова, М.Т. Типы религиозных ориентаций чеченских студентов // Современные технологии в образовании / М.Т. Хасханова // Материалы XIX Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию СОГПИ. 28 марта 2019 г., г. Владикавказ / под ред. канд. пед. наук, доц. Л.В. Газаевой; Сев.-Осет. гос. пед. ин-т. – Владикавказ: Издательство СОГПИ, 2019. – Выпуск XIX. – 253 с. (0,4 п.л.).
11. Хасханова, М.Т. Особенности преодолевающего поведения чеченских студентов / М.Т. Хасханова, М.В. Верещагина // Социализация молодежи в условиях современных перемен в мировом сообществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 6 декабря 2019 г.); под ред. З.М.Гаджимурадовой, А.А. Кукуевой. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – С. 62-68. (0,3/0,1 п.л.).